

ПАЛЕОПОЛИТИКА, ИЛИ ОЧАГИ ГУМАНИТАРНОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

Елена Пенская

Как известно, европейское, а еще больше американское интеллектуальное сообщество жестко политизировано. Причем постоянный «партийный» дрейф, смена групповой прописки и связанных с нею идеологических полюсов составляет одно из самых смачных свойств, интригующих и будоражащих воображение наблюдателей.

Их мораль...

Собственно, все это поле, контуры которого ясно обозначились еще где-то в 1930-е, по сей день представляет собой нескончаемый напряженный матч, в котором, ослабевая, вспыхивают с новой силой интеллектуальные битвы, а политическая родословная игроков – едва ли не последняя, нередко решающая карта в исходе схватки. Разумеется, уходящие в прошлое два срока Буша сыграли в пользу интеллектуалов, чрезмерно повысив их ставки.

Насыщенность, отчасти театральность полемики, ярость интеллектуальных выпадов, грызня по поводу «войны с террором» и соответственно выяснение траекторий американской внешней политики на протяжении последних семи лет на всех фронтах раздавали «всем сестрам по серьгам»: на одном фланге сидели в засаде интервенционисты типа Бермана и Хитченса, на другом – либералы, изготовленные по лекалу Джайда и Бурумы, методично расклеивали ренегатов, оказывавших в основном эстетические услуги политике агрессии. Все пристально следили за всеми – тотальное недоверие друг другу уравнивало единомышленников и оппонентов.

Всеобщая подозрительность стала главным объединяющим качеством: идеологическая, «партийная» подоплека, политический заказ, мнимый или реальный, обнаруживался и публично подвергался ликующему раздирающему энтузиастами по ту и эту сторону бар-

рикад. Бдительность и еще раз бдительность. Не сидит ли в аргументах Джайда на самом деле его дурной антисемитизм, привычно-двусмысленное и пристрастное отношение к Израилю? Не похожа ли настойчивость Бурумы во что бы то ни стало найти компромисс с «беспокойным элементом» – европейскими мусульманами – на стратегию сглаживания противо-

рассуждать о степени его ангажированности, о смене ролевых позиций, об измельчании, об идеологическом дрейфе – о чем угодно. Но факт остается фактом: доминирование политики в 1940-е, 1960-е, 1990-е остается непреложной истиной, а формы объединения и контуры конфликтов совпадают с линиями политического фронта – его окопами и передовой.

У политики тысячи разных лиц

речий и острых углов, полностью оскандалившую интеллектуалов 1930-х по отношению к нацизму?

Ничто не ново под луной. Компромат ли, грязное белье из подгнившей корзины, или публичное предание взаимной анафеме – все эти приемы ведения интеллектуальных войн давно апробированы. Если исторически самым мощным оружием, позволявшим контролировать дискуссию, была угроза «отлучения от церкви» или.. исключения из партии со всеми вытекающими последствиями, то со временем бойцу все легче становилось самому выйти из строя, если не стать перебежчиком. И вот тут, как правило, начинается самое интересное.

Мы видим: американский/европейский интеллектуал – животное сугубо политическое. Мы можем

...и наша

Но вопрос в другом. Правомерно ли говорить о политических проекциях в российской гуманитарной среде? Как и во что конвертируется политическая ориентация? Насколько связаны политизация и поляризация сообщества? Доля политики в тлеющих конфликтах? Нет, и не может быть однозначных ответов. Ясно одно: отечественный контекст причудлив; в нем все исторические причинно-следственные связи не просто смещены – грубо искажены.

Сегодняшняя структуризация – суть результат ряда ожогов.

Ожог первый, конец 1980-1990-е, когда отчетливо смешалось несколько слоев, несколько групп, и едва ли не самый различимый пласт включал представителей раз-

личных диссидентских движений. И вот тут-то партийный характер среды был, пожалуй, самым болезненным, а переход на другие позиции, обвинения в измене и изощренные попытки оправдать партийную линию стали обычной практикой. В последующие годы ситуация усугубилась. Политика, как и жизнь гуманитарных сообществ, стала резко персонализированной. И те, кто избрал для себя путь публичной карьерной реализации, прекрасно осознавали, как высоки в этом деле репутационные ставки.

Начало-середина 1990-х отмечены резкой политизацией и поляризацией. Для всех памятно время появления дублей, альтернативных площадок, точечных проектов, вспыхивающих и гаснущих по всему культурному спектру – две Таганки, два МХАТа, Новые и старые «Известия», две «Столицы». Список может быть продолжен.

Однако, одним из итогов этого размежевания и новой склейки можно считать становление таких политических и культурных категорий как «истеблишмент» и «мейнстрим».

Но поскольку сегодня «жизненные ставки» дискуссий не столь высоки, как это было в предшествующие десятилетия, то в 1990-е в гуманитарном сообществе лишь отчасти – и скорее по форме, чем по содержанию, – воспроизводится манера общественного поведения предшественников. Подоплекой сегодняшних споров служит скорее соперничество между игроками за привилегированный доступ к кормушке; и каждый ход в этой игре продумывается заранее, в свете карьерных перспектив. По сравнению с предшественниками-«релевантами» сегодняшние-вчерашние перебежчики выглядят как их формальные – ничем, по большому счету, не рискующие – эпигоны.

Зависимость от экрана

Ожог второй – это политические, социальные катастрофы и войны второй половины 1990-х – начала «нулевых», когда эпоха оказалась на поверку гигантским

медиасобытием. Для того чтобы присоединиться к дебатам, достаточно было получить доступ к импровизированной трибуне, экрану и мегафону. Забегая вперед, следует отметить, что отлучение от экрана в нынешней гуманитарной российской среде считается одной из самых тяжелых травм и потерь политических и культурных завоеваний предшествующих лет.

Но именно тогда личное приобрело статус *политического*, причем в достаточно широких кругах интеллектуального истеблишмента;

дождусь спутниковый интернет, суют в Бутырку, откуда он мне спутниковый Интернет вряд ли обеспечит. Ты вот поддерживаешь, поддерживаешь, а со дня на день начнется террор: ты и будешь в нем виноват. Но и не поддерживать глупо то, что представляется тебе вполне разумным. Протестовать же против обилия тех же гэбэшников еще глупее, ибо эта ниша крепко занята В. Новодворской. Можно, конечно, не высовываться, молчать в тряпочку, но мы сейчас обсуждаем другие стратегии».

Политические противоречия и конфликты в интеллектуальной среде не исчезли. У них просто нет реального выхода, за исключением блогосферы, да тех курьезов, когда городу и миру предъявляется некое чудачество

перефразируя «Радикальный шик» (*Radical Chic*) Тома Вулфа, можно сказать, что «дуновение слезоточивого газа проникло в московские клубы». Нельзя не припомнить тот яростный счет, который предъявил журналисту Максиму Соколову Андрей Зорин, по мнению многих, представитель российской современной интеллектуальной элиты. Вроде бы одного поля ягоды – в прошлом у обоих МГУ, филфак, схожие ориентации и воспитание. Оказывается, все сложнее. И эта сложность, эта запутанность и тематическая непроясненность не столько дискуссии, сколько стоящих за ней интересов, еще веселее обозначилась во вступлении в спор третьего лица – в политической деконструкции обоих, Зорина-Соколова, проведенной Курицыным:

«образованное сообщество», желающее как-то участвовать в политическом дискурсе, оказалось [в 2000-м – РЖ.] в патовом положении. Поддерживаешь «вертикальные меры» — рискуешь получить обвинение в «почвенничестве». Это полбеды, гораздо хуже, что ты и сам сомневаешься, следует ли их поддерживать, когда во власть валом валит Комитет государственной безопасности, а олигарха, от которого я жду не

Жажда публичного признания приобрела среди гуманитариев характер одержимости, она подспудно влияла на карьеры. Конец 1990-х – 2000-е ознаменовали собой наступление новой эры – эры интеллектуалов-знаменитостей, которые с легкостью переходили от одной темы к другой, ибо видели свою задачу в одном: высказать как можно больше экстравагантных – и, по возможности, шокирующих – мнений.

«Ожоги» последних лет носят скорее камуфлированный характер. Противоречия, конфликты никуда не ушли. У них просто нет реального выхода, за исключением блогосферы, да тех курьезов, когда городу и миру предъявляется некое чудачество – так называемые «варфоломеевские списки», в которых гуманитарное и культурное сообщество четко поделено на рукоподаваемых, чистых, и тех, кто был замечен в сотрудничестве с «режимом».

Нынешний путь к «релевантности» лежит через преодоление взаимной ненависти и погашение старых счетов. Ведь следует помнить: «Каждый имеет право быть дураком, но не следует злоупотреблять этой привилегией». ■